

Сяо Жофэй, никогда прежде не видевший Гу Чуньлая, обычно такого сдержанного и зрелого, в таком детском настроении, нашёл это забавным и решил продолжить игру:

— Апельсин, передай мою благодарность Чуньлаю.

Гу Чуньлай не удостоил его ответом, продолжая есть лапшу.

— Думаю, уже поздно, не стоит мешать людям ужинать, нам пора уходить, — с радостью в голосе сказал Сяо Жофэй, его тон поднялся. — Перед уходом не забудь сказать ему, что увидимся, если судьба позволит.

Гу Чуньлай продолжал сидеть на кухонном полу, держа в руках чашку, с лапшой, которую он так и не успел проглотить, глядя в сторону, куда ушли двое, забыв встать и не зная, что делать дальше.

Только когда часы пробили двенадцать, он вдруг очнулся, осознав, что всё ещё находится дома и что вечером будет финальный спектакль, а времени на поездку в театр уже не так много.

Он резко встал, но споткнулся и, чтобы не упасть, инстинктивно схватился за старый шкаф.

Шкаф, простоявший много лет, от такого давления начал раскачиваться, и вещи, стоявшие на нём, начали падать.

Гу Чуньлай попытался их поймать, но, не обладая тремя руками, всё же упустил одну вещь. Маленькая рамка для фото, покрытая слоем пыли, упала на пол с громким звонким звуком.

Он поднял её и увидел, что рамка разбилась вдребезги, а стекло рассыпалось на осколки, похожие на паутину, которые порезали пожелтевшую фотографию.

На фото были трое юношей лет восемнадцати-девятнадцати, стоящих у входа в Киноакадемию. Их рост и телосложение были схожи, и двое из них выглядели почти как близнецы. За ними была знаменитая столетняя софора, символ начала китайского кинематографа, стоящая у входа в академию. Дерево было в полном цвету, его золотистые цветы сияли ярче солнца и сверкали больше, чем трофеи в школьном музее. Но из этих троих один был полон энтузиазма, другой — счастья, а третий — словно был в стороне, будто всё происходящее его не касалось.

Гу Чуньлай, стоя на коленях, поднял фотографию, аккуратно стряхнул с неё осколки стекла и положил в карман на груди, крепко прижав, словно боясь, что в следующую секунду этот образ исчезнет навсегда.

В ночь на 25 сентября, в одиннадцать часов вечера, история «Неудача и слава» резко оборвалась на самом пике.

Национальный тур из десятков спектаклей завершился в этот момент.

Свет погас, занавес опустился, и в зале воцарилась тишина, слышно было даже дыхание актёров на сцене.

Через несколько секунд раздались бурные аплодисменты. Тысячи зрителей встали, аплодируя, и Гу Чуньлай с Лу Линьси вышли на поклон пять раз, прежде чем шум утих.

После спектакля началось время для прессы.

Закончив представление и спустившись со сцены, Гу Чуньлай почувствовал, как напряжение

ушло. Он словно выключился, усталость накрыла его, глаза закрывались сами собой. К счастью, Лу Линьси, заместитель руководителя труппы «Ланьгуй» и её лицо, отвечал на большинство вопросов, что позволяло Гу Чуньлаю иногда отвлечься и немного расслабиться.

Видя, что Гу Чуньлай едва держит глаза открытыми, Лу Линьси улыбнулся, подшутил над ним, задал пару лёгких вопросов и отпустил его.

Гу Чуньлай с благодарностью посмотрел на него, искренне поблагодарил журналистов и, сонный, ушёл в гримёрку.

Открыв знакомую дверь, он позволил себе опуститься на диван.

Закрыв глаза, он всё ещё видел перед собой яркую сцену. В зале было тихо и темно, только огромные лампы над головой освещали мир. В тот момент сцена принадлежала им, как и тысячи взглядов зрителей.

Но, открыв глаза, он увидел, что, кроме подарков от поклонников, всё вокруг осталось таким же, как и раньше.

Те же стулья, тот же стол, тот же блестящий диван с накинутой курткой. Гу Чуньлай лежал на диване, глядя в потолок, на котором оседала пыль. Свет над головой был далеко не таким ярким, как на сцене, звуки сотрудников в коридоре постепенно стихали, и, окружённый старыми вещами, он чувствовал, как мечта заканчивается, возвращая его к реальности.

После каждого финального спектакля ему требовалось несколько дней, чтобы избавиться от этого чувства дискомфорта.

Не знаю, сколько времени прошло, но вдруг он услышал голос:

— Чуньлай, уже поздно, что ты тут делаешь? Что-то случилось, расскажи брату.

Он обернулся и увидел Лу Линьси.

После спектакля он дал множество интервью, и, вероятно, Лу Линьси уже был измотан. В такой ситуации он ещё беспокоился о Гу Чуньлае, что вызывало у последнего чувство вины.

— Старший брат, не беспокойтесь обо мне, идите домой, жена наверняка ждёт вас, — поспешно сказал Гу Чуньлай, вставая и передавая пакет с лунными пряниками. — До праздника осталось два дня, это вам с женой.

Лу Линьси открыл пакет:

— Пряники с кремом из отеля «Полуостров»?

— Помню, это любимое лакомство вашей жены.

— Как ты это запомнил? — Лу Линьси улыбнулся до ушей. — Тогда не буду церемониться, передам твою благодарность жене. Ты тоже собирайся, если не будешь пить, я тебя отвезу.

— Старший брат, не беспокойтесь, — Гу Чуньлай смутился. — Сегодня я останусь рядом с театром, завтра вернусь.

— Почему? — Лу Линьси подошёл ближе и внимательно посмотрел на него, затем достал глазные капли. — Смотри, ты даже очки снял! Расскажи брату, что дома случилось?

— Нет-нет, всё в порядке, ничего серьёзного, — Гу Чуньлай постарался говорить уверенно, чтобы не беспокоить его. — Просто вчера ночью в дом залетела бабочка. Она махала крыльями, и пыльца от них разлеталась повсюду, так что спать было невозможно.

Гу Чуньлай никак не ожидал, что, утешая Бай Яньняня в «Хэйчао», он столкнётся с Сяо Жофэем.

К тому же Сяо Жофэй, похоже, был сильно пьян, шатался, как змея. Подойдя ближе, Гу Чуньлай увидел, что его лицо красное, речь невнятная, и, расспросив, узнал, что он выпил всего два-три бокала.

Очевидно, в напиток что-то подмешали.

Гу Чуньлай понял, что дело плохо. Он не мог просто стоять и смотреть, даже если это был Сяо Жофэй, тот самый, который презирал и ненавидел его.

— Бабочка? — Лу Линьси вдруг заинтересовался. — Чуньлай, ты что, влюбился? Ну, расскажи брату, кто эта девушка или парень, из-за которого ты не можешь уснуть?

— Старший брат, вы преувеличиваете...

Гу Чуньлай не успел договорить, как в дверях раздался голос:

— Старший брат, по-моему, это просто доброта Чуньлая. Вчера была буря, крылья бабочки промокли, и, если бы он не открыл окно, она бы никогда больше не смогла летать.

Знакомый голос, знакомый тон — ему даже не нужно было смотреть, чтобы понять, кто это.

Гу Чуньлай обернулся, и Сяо Жофэй прямо перед ним. Он был одет с иголки, в костюме, с аккуратно уложенными волосами, держа в руках букет лилий, стоял под светом, мягко улыбаясь, сияя так, что глазам было больно.

— Жофэй! Давно не виделись! — Лу Линьси широко улыбнулся, подошёл и обнял Сяо Жофэя, похлопал по плечу и пригласил войти.

Увидев это, Гу Чуньлай протянул руку за цветами, но Сяо Жофэй резко отдернул руку и протянул букет Лу Линьси.

— Кто сказал, что это тебе? — он лукаво подмигнул Гу Чуньлаю.

— Я и не говорил, что мне! Просто хотел помочь старшему брату поставить их на стол. Вы со старшим братом разговариваете, а кто-то должен держать такой тяжелый букет, правда? — Гу Чуньлай с раздражением посмотрел на него, рука замерла в воздухе, он не знал, стоять или сесть.

Лу Линьси, не выдержав, взял цветы, поставил на стол и с облегчением вздохнул:

— Ладно, хватит, вы оба взрослые люди, а спорите, как школьники, когда это кончится?

Сяо Жофэй пожал плечами, указывая на Гу Чуньлая, с невинным видом, будто это его не касается.

Старший брат продолжал:

— Раньше ты писал в WeChat, что не придёшь, а теперь что за ветер тебя принёс? Церемония награждения уже закончилась?

У основателей «Ночи света и тени» были большие амбиции, стремления и чувство ритуала. С самого первого года лучший фильм «Ночи света и тени» должен был быть вручён ровно в полночь.

В это время церемония ещё не закончилась.

— В этом году председателем правления компании «Цзямин» стал господин Тянь, и он же будет вручать главный приз. Мне повезло, я смог ускользнуть пораньше и навестить моего уважаемого старшего брата, а ещё... доброго человека, который приютил бабочку.

<http://bllate.org/book/15563/1415586>